

«Тревога по душе моей»

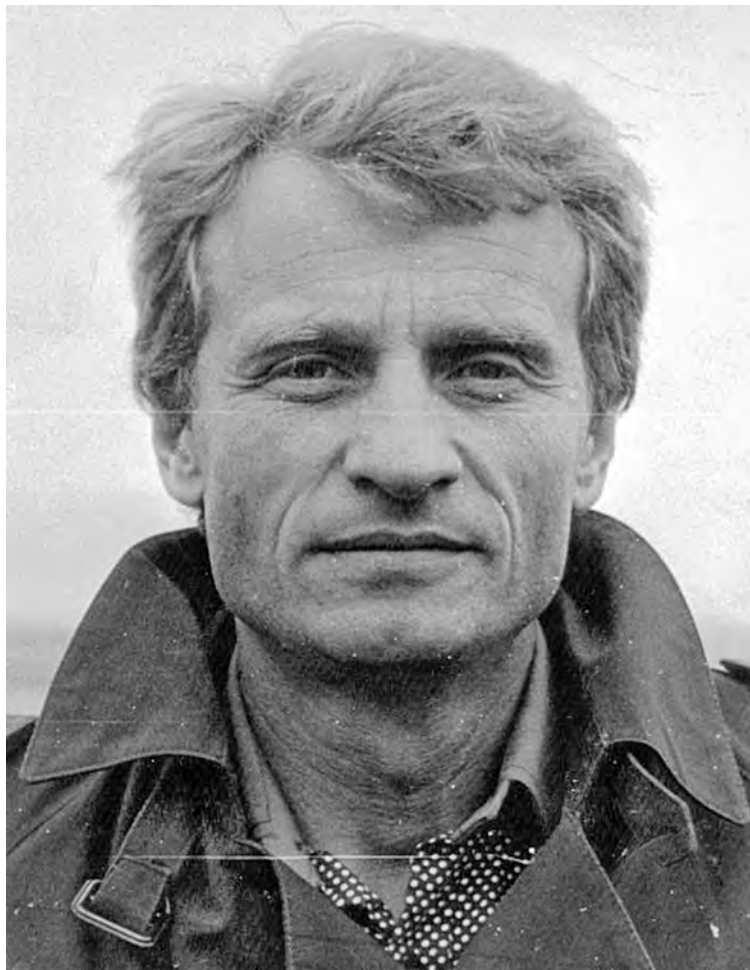
Поэту и писателю Вячеславу Лопушному исполняется 70

– Вячеслав Михайлович, когда вы осознали свою творческую индивидуальность?

– В 15 лет мне подарили полное собрание грамзаписей Шаляпина. Был потрясён! Заучивал с пластинок его арии, а потом, плескаясь в ванной, пугал соседей Мефистофелем, Демоном, а чаще – Сусаниным: «Ты вза-а-йдешь, ма-а-я заря-а-а!». Бабушка какой-то была, только вот обучиться вокалу за недосугом и ленью я так и не сподобился, да и стимула не видел. Зато в студентах придумал способ игры на семиструнке для... ленивых: три аккорда лишь на четырех нижних струнах, перебор одним пальцем и «восьмерка»: хоть «Не пробуждай воспоминаний», хоть Высоцкого, хоть про Маньку с Дерibasовской. В дружеском кругу да «под парами» сходило за милую душу. А тяга к музыке у меня, очевидно, от мамы. Она – коренная москвичка, стала врачом, окончив в 30-х годах Пироговку. А младшекурсницей успевала петь у знаменитого Свешникова – в ансамбле, который позже он преобразовал в Госхор СССР. Всё это как-то повлияло потом на мои стихи и песни... Но первые стихотворные строчки почему-то случились поздно – в 27 лет. А потом года три ушло на преодоление «детских болезней» стихоплётства. Тем более что «варился в собственном соку». Неловко было взрослому дядьке, работавшему на стройке, обращаться к кому-то за советами.

– Много ли вы читали в детстве?

– Глотал всё подряд, что находил в домашней библиотеке. Отец, боевой офицер, пропал на службе. Мама не вылезала из больничных дежурств. Брат – на восемь лет старше – был хоккеистом. Некому было следить за моим чтением. «Аму» Куприна и «Гавриладию» Пушкина я прочел в 6-м классе, а «Новеллы» Мопассана и «Озорные рассказы» Бальзака – в 7-м. Чуть постарше – запоем – Жюль Верна, затем – Джека Лондона. Всё-таки выделю: «Мартин Иден». Отчего-то сильно взволновал тернистый путь простого парня в писатели и его трагический конец, хоть и не всё мне там было понятно... А после школы ни с того ни с сего началось системное увлечение словарями и энциклопедиями: натаскал их домой с избытком. Словарь Даля

оказался самым увлекательным – прочел его от корки до корки, да еще общую тетрадь исписал выдержками. Зачем это надо было молодому инженеру-строителю? Я еще не знал. К слову, физика с математикой мне нравились куда больше литературы. Потому, наверное, и пошел в техвуз... А по-настоящему к поэзии я приобщился в... зоне строгого режима. Кроме шуток. Молодым спецом мастерил там на стройке. Понятно, лексикон свой обогатил изрядно. И попался один зек – большой знаток поэзии. Он меня и просвещал в активные дни: морозы жуткие, сидели, чай гоняли. Есенина, конечно, я и раньше читал. А вот после зоны стал искать Блока и Пастернака, Ахматову и Цветаеву, Мандельштама... В общем, как по закону Ньютона: мое тело находилось в состоянии покоя или прямолинейного движения, покуда другое тело не побудило его изменить это состояние. Если заменить здесь тела на души, будет понятно, что со мной произошло. Потому, наверное, и написал много лет спустя: «И сединою убелённому, нести мне до последних дней нечаянно приобретенную тревогу на душе моей...»

– С кем из классиков кузбасской поэзии вы были знакомы?

– Много тут не расскажу... Жил в одном дворе и общался с Михаилом Небогатовым, старейшиной нашего поэтического цеха. Не замечал в нём никакой академической значительности. Был пару раз в гостях и у Игоря Киселева: вообще простецкий был мужик. Зато впечатляли их филигранная работа над словом, умение одинаково мастерски создать стих из

фронтального воспоминания и явления природы, любовных переживаний и красоты городского пейзажа. Это действительно кузбасские классики, иначе не скажешь.

– Какие сложности были с публикациями?

– Первая публикация случилась в 1975-м, в 30 лет. И угрозидило меня «пуститься на дебют», находясь уже на посту главного инженера стройуправления. Трудно ли было пробиться в печать? Не знаю, не пробивался: других забот хватало. Случайная встреча с еще одним мэтром кузбасской литературы Валентином Махаловым, служившим тогда то ли редактором, то ли ответственным секретарем «Огней Кузбасса»... У меня даже в машинописи ничего не было. Впервые отпечатал одним пальцем десяток стихотворений. И он вдруг взял в журнал два восьмистишия. Валентин Васильевич обратил внимание на пару метафор: «Вот этим-то и отличаются стихи от ладно скроенных строк». И пошло-поехало... А Махалова, светлая ему память, конечно, считаю своим крестным отцом в поэзии.

– Какие запомнились особенности литературной жизни советского времени?

– Помню только плюсы. Регулярно проводились городские и областные литсеминары. Наверное, это помогало начинающим авторам. Пригласил как-то трех поэтов к себе в проектный институт, наш профсоюз им хорошо заплатил. А за 16 моих строк, прочитанных в эфире, пришел перевод из радиокомитета – 35 рублей! Это когда на рубль можно было не-

// ЛИЧНОЕ ДЕЛО

В.М. Лопушной окончил шахтостроительный факультет КузГТУ, прошёл стройку – от мастера до главного инженера стройуправления. Первая литературная публикация состоялась в 1975 году. Печатался в сибирских и столичных журналах и антологиях, в русскоязычных изданиях Канады, США и ФРГ. Выпустил шесть книг стихов и малой прозы.

Золотой лауреат поэтического фестиваля-конкурса «Русский Stil»-2011 (Германия) и премии журнала «Огни Кузбасса» в жанре эссе. Автор слов многих песен. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

дурно пообедать. Всё-таки была «очень правильная наша Советская власть!» А если серьезно, то все застойные и перестроечные годы мало общался с писателями, кроме своего друга Владимира Ширяева, царство ему небесное. Как главный инженер проектов я вел крупные объекты, часто ездил в Москву, по Союзу. В газетах, правда, печатался: очень разное, но стихи – редко. По-настоящему вернулся к поэзии только в 93-м, когда вышел первый сборник, Ширяев убедил сделать.

– Как вам удалось выйти на певицу Валентину Толкунову?

– Тому, что целовал руки великой певицы, я обязан известному кузбасскому композитору Владимиру Пилекину. До этого она уже пела пару его песен на стихи московских поэтов. Тут мы и предложили ей свою песню «Дочери». Помучила она меня немножко: два раза текст переделывал. Валентина Васильевна помогла: «Вы, Слава, свои находочки оставьте читателю, у него есть время их оценить. А в песне, которую я пою, каждое слово должно быть на лету понятно любому уху»... С легкой руки Володи потом еще несколько наших песен и романсов исполняли видные московские певцы.

– Как вы открыли для себя жанр эссе?

– Эссе филологи пишут на сотню страниц. На это ни глубины моих знаний, ни терпения не хватит. У меня и рассказы все короткие. А первое малое эссе, году в 87-88-м, написал об Арсении Тарковском. Меня потрясло его стихотворение «Словарь», где нет ни слова объяснений в любви к родному языку, но каждая строчка – в самое сердце русского человека. А следом эссе-миниатюра прорвалась самотёком в «ЛГ». Оттолкнулся в ней от песни Вертинского «Всё, что я должен сказать»... Занятно родилось эссе о Блоке. Приснилось, что разговаривал с ним по телефону. Утром встаю, волосы шевелятся и кожа кирзавеет. Звоню Махалову, мы с ним уже стали добрыми друзьями. Он мне: «Немедля садись-пиши!»... В конце 90-х появилось долго вынашиваемое эссе о Пушкине, которое тоже было в Москве напечатано. Упор там сделал не на литературных достоинствах Поэта, а на величии его личности, которая меня всегда поражала... Ну, а в этом веке уже прорвало: и о русском языке, и о тайне фами-

лий, и о художниках, и о том, «как нельзя писать стихи».

– На ваш взгляд: влияние интернета испортило или улучшило современную литературу?

– Говорят, что сейчас по стихосайтам и сетям бродит более полумиллиона стихотворцев. Естественно, 90% из них не слишком далеко ушли от «служил Гаврила почтальоном». Между прочим, именно такой процент «рифмованного вздора» – в печати! – определял Маяковский. Возможности для «вздора» нынче не ограничены! И в то же время только среди моих друзей в Фейсбуке вижу человек двести маститых, молодых безызыстных, а то и вовсе безвестных, но несомненно талантливых авторов. А вот как молодым действовать, чтобы подняться над собой и пробиться, разве тут есть универсальный рецепт? И смотря какая мотивация... Ведь ни у кого из тех, кому сейчас меньше пятидесяти, боюсь, уже не возникнет повода воскликнуть, подобно Евгению Винокурову: «Простите мне, стихи, что я кормился вами!»... Однажды в дневниках Л.Толстого я натолкнулся на архисерьёзное изречение: «Поэт вырывает всё лучшее из своей жизни и кладёт в стихи. И потому стихи его прекрасны, а жизнь – дурна». Не мог не улыбнуться – тут же написались четыре строчки, адресованные жене: «Как повезло тебе, мой светоч ясный, – меня вдруг осенило с бодуна. – Пускай не все стихи мои прекрасны, зато и жизнь не полностью дурна!»

– С какими чувствами отмечаете семидесятилетний юбилей, что в планах?

– Чувство такое, что мне несказанно свезло. Может быть, гораздо больше, чем многим более талантливым, чем я. Не каждому встретится на пути такой поэт и друг, как Махалов... Нерукотворный портрет жены радует мой глаз в антологии любовной лирики поэтов России трех веков... Великая певица моими строчками воспела мою дочь... А планы? Да что тут планировать... Свои невзгоды-годы с улыбкою влачу: хожу, как Квазимодо, и косноязычю... И всё же... Недавно начал сотворчество с одной очень одарённой москвичкой – певицей и композитором. Уповаю... Но на всё Господня воля!

Беседовал

Александр Мухарев.

“ ФИЗИКА С МАТЕМАТИКОЙ МНЕ НАВИЛИСЬ КУДА БОЛЬШЕ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОТОМУ, НАВЕРНОЕ, И ПОШЕЛ В ТЕХВУЗ... А ПО-НАСТОЯЩЕМУ К ПОЭЗИИ Я ПРИОБЩИЛСЯ В... ЗОНЕ СТРОГОГО РЕЖИМА.